

Текст · 3 января 2022, 07:46

Олег Зурман,

«Комьюнити, естественно, обосралось». Государство добралось до стендаперов — и вот что они об этом думают

Кристина Биткулова. Фото: личная страница в *Instagram*

Кристина Биткулова. «Выходя на сцену, я как бы подписываю с собой договор, что готова к последствиям»

Начинающий стендапер, недавно выпустила свой первый сольный концерт.

Сейчас стендап — практически единственная площадка, где можно открыто говорить обо всем, что тебя волнует и пугает. Для одних комиков это секс и отношения, для других культурные или социальные какие-то вещи, для третьих — судьба России.

Раньше такой отдушиной была музыка, но после регулярных отмен концертов, арестов и проверок СК стало понятно, что прямо проговаривать там какие-то вещи небезопасно. Теперь пришло время

комиков и видеоблогеров. Думаю, что следующими будут твиттерские шутники или подкастеры. Или продавцы мороженого.

К счастью или к сожалению, я еще крошка-комик, на меня некому давить — по телевизору я не выступаю, больших концертов у меня нет. И пока что какое-либо давление ограничивается только самоцензурой. Перед одним из концертов мне сказали, что в зале сидят сотрудники Центра «Э», и я практически на ходу поменяла во всех своих шутках фамилии российских политических деятелей на белорусских. Смысл особо не изменился.

Как будто мы знали или как минимум догадывались, что когда-нибудь очередь на закрутку гаек дойдет и до нас. Просто ждали и строили догадки, на кого именно падет жребий. Скорее это даже не попытка ограничить свободу слова как таковую, а предупреждение, что чью угодно свободу можно ограничить за слова. Или за шутки.

К сожалению, [история с Идраком Мирзализаде сильно повлияла на стендап] — большинство комиков сели ревизировать свой материал, искать другие формулировки или вырезать целые фрагменты. Многие взяли за правило показывать материал юристам перед записью концерта.

У меня в самом финале первого концерта звучит абстрактная шутка про, скажем так, власть, которая на проверках материала пользовалась успехом. После съемок, уже на монтаже, мне написали несколько друзей из СМИ и сказали, что за такие приколы можно легко попасть в

список экстремистов со всеми сопутствующими сложностями. Муж предложил запикать шутку, высказав таким образом метакомментарий о состоянии современного стендапа в России, где кульминационный панч всего выступления выглядит как длинный пик, после которого идут громовые аплодисменты из зала.

Небезопасно шутить обо всем. Градус напряжения в стране за последние годы вырос настолько, что обидеться на шутку и накатать заявление сейчас может каждый. Зрителя может оскорбить мой рост, цвет волос или тот факт, что Тоби Магуайр — лучший Человек-паук. В данном случае уже немного поздно гадать, что из твоего материала может послужить причиной травли, проверки Следственного комитета или возбуждения уголовного дела.

Но я продолжаю выступать — просто, выходя сейчас на сцену, я как бы подписываю с собой негласный договор о том, что я готова к последствиям.

[Политическая комедия в России] всегда существовала. Посмотрите старые выпуски «Аншлага», монологи Петросяна за авторством Задорнова и тому подобные вещи — там далеко не всегда шутили про тещ и алкоголизм. И это пользовалось успехом, это смотрели и цитировали — ведь когда мы говорим о серьезных штуках с улыбкой и смехом, то как будто сглаживаем весь этот страх и боль. Но, видимо, это работало до поры до времени.

[В случае проблем с силовиками буду] искать хорошего адвоката и надеяться, что это будет не зимой — в автозаках, приемниках и СИЗО наверняка

очень холодно. У меня есть открытый шенген, друзья в зарубежных СМИ и их готовность помочь. Но, надеюсь, это мне это никогда не пригодится.

Сейчас в комментариях под любым стендап-выступлением, в котором комик хотя бы касательно проходится по политической ситуации в стране, можно найти шутки зрителей про тюрьму, швабры и многие другие неприятные вещи. А в личных сообщениях у каждого такого комика есть коллекция полоумных пользователей интернета, которые совсем не шутят, а натурально заходятся в припадках и угрожают написать заявление в полицию или жалобу в прокуратуру.

Потрясающая кровожадность со стороны людей, которые не понимают, что в широком смысле они тоже стоят в этой очереди на репрессии, но просто подальше. У комиков (да и не только у них) есть только одно средство спастись от преследований со стороны государства — публичность. Ну и чувство юмора, потому что оно помогает не сойти с ума от ожидания обысков в шесть утра.

В остальном, мы теперь просто более убедительно просим не снимать выступления на телефон, более подробно составляем дисклеймеры перед видео концертов и — что совсем дичь, конечно, — некоторые комики теперь проговаривают с залом само определение юмора и шутки. Ничего из этого, конечно, не помогает и не служит оберегом от внимания со стороны властей.

Идрак Мирзализаде. Скриншот: youtube-канал «Идрак»

Идрак Мирзализаде. «Ощущения трагедии нет, всем сейчас трудно»

Популярный стендап-комик и креативный продюсер проектов *Stand Up Club #1*. В 2021 году получил 10 суток за шутку, высмеивающую ксенофобию, а потом МВД **вынесло** запрет на пребывание Идрака в России — он гражданин Беларуси.

Сейчас в целом внимание со стороны государства усиленное ко всему. Стендап в этом отношении просто не стоит в стороне. Нет такого, что к стендапу особенное отношение: внимание и к блогерам и к музыкантам и к деятелям кино, ТВ и театра. Ко всем. До стендапа дошли вот.

У меня такого опыта не было, [чтобы силовики или организаторы концертов запрещали шутки]. Иногда могли попросить подобрать более приемлемые темы, без мата и пошлостей. Но это было связано с характером мероприятия. Например, благотворительный концерт. К цензуре это отношения не имеет, к силовикам тем более.

Стал чаще путешествовать [после высылки из России]. Ощущения трагедии нет, всем сейчас трудно. Планы не тороплюсь строить. Планы строить сложно, когда в мире столько катаклизмов. Изучаю метавселенные, *VR*-технологии. Живые выступления на русском устраивать не проблема — по всему миру очень много русскоязычных сообществ. Но пока не тороплюсь никуда.

Главное — СМИ не нагнетать обстановку. СМИ в одночасье превращают кого угодно в «борцов за свободу», привлекая внимание силовиков к человеку. Каждый сам для себя решит, [как действовать дальше], не думаю, что есть общий ответ. Комиков много.

Мне кажется, есть отдельные шутки [на политические темы], но прям политической комедии в России нет. Нет комедийных ток-шоу политических, скетчей, комиков, которые всегда на политические темы шутят. У нас если начнешь высмеивать какого-то политика, много кто даже знать не будет этого политика. Вовлеченность населения в политику ограничивается двумя-тремя фамилиями.

Стендап будет развиваться благодаря талантливым комикам и комикессам, которых достаточно много. Давление всех сделает сильнее. Наверное, будем жить, наблюдать, бороться, где возможно бороться.

Руслан Халитов. Фото: личная страница в Instagram

Руслан Халитов. «Мы поняли: за нами следят. Все следят за словами сейчас»

Участник проектов «Стендап Андеграунд» и *Stand Up* на ТНТ, резидент *Standup Club #1*.

Давление в этом году связано было, по моему мнению, с выборами, потому что как только выборы закончились, все как-то прошло. С октября до декабря с властями вроде бы не было никаких замесов. Были какие-то скандалы, связанные с национальными меньшинствами.

Ну, и еще это связано с тем, что жанр популярнее стал, Дудь всех зовет. Хочется контролировать [юмористов]. Я не верю, по крайней мере, не вижу, что есть какой-то заказ: «Валим комиков». Кто-то на этом хайпится, типа Соловьева. Больше некого вспомнить.

Давления я не испытывал. Люди говорили, что видели эшников на мероприятиях. Я лично не видел, мне никто ничего не запрещал. Если саморедактуру, такую неосознанную, подсознательную — если считать это косвенным проявлением [давления], а

так ничего такого нет. В основном люди просто... их запугали, они испугались. Многие, я думаю, будут меньше лезть на рожон. Если шутка, грубо говоря, не про Путина, они не будут в нее вставлять добивку про Путина.

Комики хотят жить, работать, семью кормить. Это только так звучит, что комики срывают покровы, нарывы общества — это все слова. А так люди просто выходят и рассказывают шутки про им кажущиеся интересными темы. Кто-то увидит меньше, кто-то больше несправедливости — и захочет высказаться.

История Идрака повлияла на комиков по-разному. Кто-то, я знаю, хочет эмигрировать, кто-то просто принял к сведению и будет аккуратнее. Я, например, принял к сведению и поставил себе какие-то красные линии, после пересечения которых я наверняка задумаюсь о переезде. То есть мы поняли — за нами следят. Все следят за словами сейчас. Если кто-то захочет какую-то крамолу сказать, осознанную крамолу, власть захочет ***** [подколоть] — тому надо диверсифицировать свои риски. Возможно, комикам стоит откладывать деньги на черный день.

Это попытка ограничить свободу слова, эти попытки по всем фронтам предпринимаются перманентно. И отчасти этого удалось добиться. Дальше будет самоконтроль, может, как-то витиеватее будут стараться панчлайны писать, эзопов язык пресловутый использовать.

В любом случае этот прецедент [с Идраком Мирзализаде] русский стендап изменит. Если, допустим, у комика есть какая-то шутка, где какие-то

нации фигурируют, будут аккуратнее. Аргумент «Это просто шутка» больше не работает. Все люди в основном конформисты, они будут подстраиваться под действительность. Нельзя будет сказать грубую вещь в каком-то контексте весело — ее придется как-то маскировать. Потому что шутку легко из контекста вырезать. В любом случае комики будут больше следить за собой.

Я бы, например, вероятно, не стал грубо шутить про какие-то межнациональные вещи, культуру других наций или других религий — либо надо как-то аккуратно это делать, либо изучая вопрос по фактам. Если бы у меня родилась какая-нибудь шутка про ислам, и я считаю, что она не оскорбительная, я попробую ее как-нибудь сложить, чтобы было сложнее к ней прикопаться.

Про власть как-то опасно тоже шутить. Они же не до этого [шутки] конкретно докапываются, а до каких-то других вещей. Мне кажется, если написать какой-то же опять же по фактам расписанный бит про несправедливость во власти — вряд ли до нее ***** [докопаются]. Но если она хайпанет, то могут потом что-то у тебя найти другое. Какие-то призывы, наверное, не стоит делать, в общем, все то, что за что сейчас людей сажают в тюрьму.

Но самое опасное — это межнациональное, шутки на эти темы. Это если вспомнить и Идрака, и другие прецеденты, которые были в этом году. С [Русланом] Белым случай немного другой. Ему просто не дают выступить и не говорят, почему. Он сам додумывает — почему.

[Преследование Хованского] — это жесть, все в шоке. Здесь другие всякие вопросы возникают. В любой суд нормальный попади это дело, там же все расклеится, это просто безумие. Я воспринимаю это не только как трагедию комедийного сообщества, но и в целом как еще один прецедент тотального абсурда. Хованского я воспринимаю не как коллегу-комика, а как просто моего согражданина.

Тут непонятно, как взаимодействовать с властью. Все способы взаимодействия с властью уничтожены. Судебная система в жопе, тут уже какой-то тотальный ***** [кошмар], пример того, что никто не в безопасности. Человек сидит в СИЗО, хотя он не совершал насильственных преступлений — это уже само по себе безумие. И дальше я уже начинаю думать ни про комедию, ни про что.

Как я поступлю в случае прессы со стороны государства? Мне хочется верить, что я поступлю так: буду предавать это максимальной огласке. Я не какой-то ультрапопулярный стендап-комик. Я точно буду по заветам Екатерины Шульман: предавать огласке, действовать правовыми методами. В моем окружении, по-моему, нет людей, которые со мной согласны — что нужно идти правовыми путями, дойти до ЕСПЧ, если потребуется. То есть понятно, что если меня в СИЗО посадят, то это уже другая история. Если в какой-то момент начнут давить так, что уж нельзя комфортно существовать и ходить по улице и не оглядываться, то я уеду. Если я не смогу заниматься стендап-комедией в том виде, в котором я считаю нужным, потому что в России это не вариант

— ну, счастливо оставаться, встретимся, когда это пройдет все.

Надо, конечно, будет как-то свою жизнь менять. Хочется жить в хорошей стране. Но как-то свою жизнь класть на это я не хочу. Я хожу на митинги и стараюсь жить активной социальной жизнью. Мне не пофиг [на происходящее в России], но, опять же, драться до последней крови я не буду. Я в русской культуре взращен, я в ней работаю, либо как-то это придется делать за рубежом, либо переходить в англоязычную культуру.

2022-й год для комиков будет скорее всего таким же, как и прошлый. Будет так же. Иногда будет происходить бесправный ***** [беспредел], и мы будем думать, что все рухнуло, но на самом деле это будет несколько таких, возможно, точечных вещей, но они будут заметными, и казаться будет — что они повсюду. В общем, как со всем медиаполем. Это бесправие заметно, потому что оно из норм общественных выбилось — и все от этого в шоке. Но если честно, я не знаю. Надеюсь на лучшее, готовлюсь к худшему.

Павел Потемкин. Скриншот: youtube-канал «*Outside Stand Up*»

Павел Потемкин. «К тебе домой вламываются и начинают указывать, что делать»

Участник проекта *Outside Stand Up*.

Силовики не придумали цензуру, цензура была всегда. ТНТ — ее амбассадор в стендапе. Запретные плюс-минус темы те же, что и везде: религия, политика, нетрадиционные ценности. Заслуга МВД в том, что они это цензуру вынесли за пределы ТВ и понесли туда, где ее никто не хотел и не ждал.

Как отреагировало комьюнити? Естественно, обосралось. А как тут не испугаться, если буквально к тебе домой вламываются и начинают указывать, что делать.

Мне кажется, это их основная цель: показать, что нигде не спрячешься. Атака на [Алексея] Квашонкина — это, что называется, заодно. Но не получилось. Все-таки им важен «народный» резонанс.

Выезд Идрака — это огромный удар по комедии. В каждом жанре есть интеллектуальные элиты,

которые служат маяком для остальных творцов. Идрак в стендапе исполнял именно такую роль.

Ну а на комиков всем насрать. Ни прошлых заслуг, ни широкого признания масс. А еще у нас жанр на английском называется — это ли не подозрительно?

Никто про это не говорил особо, но все почувствовали, что мы совсем-совсем одни — после интервью Мартиросяна^[1]. Ощущается как предательство. Но это сейчас как будто норма. Такие дела.

Марк Сергиенко. Фото: личная страница в *Instagram*

Марк Сергиенко. «Было бы проще, если бы был список запрещенных тем»

Участник проектов «Открытый микрофон», «Comedy Баттл» и «Прожарка на ТНТ».

Комики вышли на новый уровень медийности. Еще несколько лет назад на мероприятиях приходилось объяснять в начале, что такое стендап и что будет

происходить. Теперь комики у Дудя, Урганта и собирают «Крокус»^[2]. Поэтому и внимание к комикам становится более пристальным и серьезным.

Прямого давления на меня не было. Но оно присутствует в воздухе. Не может не давить то, что происходит вокруг. Был момент, когда какие-то люди ходили по живым выступлениям и записывали шутки в блокнот. Не знаю, что они там записывали, но, конечно, сама мысль, что это происходит, напрягала очень сильно. Есть внутреннее понимание, что какие-то темы могут спровоцировать негатив от разных групп людей.

Я понятия не имею, что происходит в каких-то кабинетах и какой у них план. И есть ли он вообще. Мне кажется, что при сложившейся обстановке, к сожалению, это рано или поздно должно было произойти. Чем это обернется в конечном итоге, сложно сказать. Увидим только потом.

Правил игры нет. Либо их забыли объяснить. Было бы проще, если бы был список запрещенных тем, и ты точно знал, что в случае их упоминания тебя будут судить. А так, к сожалению, ты просто гадаешь и ловишь ту грань, на которой нужно лавировать. Я думаю в моей комедии ничего не поменяется, по крайней мере, пока.

Редактор: Егор Сковорода

1. В интервью Ирине Шихман известный своими выступления по ТВ комик Гарик Мартиросян сказал, что у него нет никакой солидарности с другими стендаперами и отвечать за них он не собирается.
2. «Крокус Сити холл» в Москве, одна из самых известных крупных концертных площадок.